

называет истинную демократію, истинную коммуу. Христианская церковь въ своемъ первоначальномъ, неиспорченномъ видѣ и была идеальнымъ социалистическимъ обществомъ.

Этотъ взглядъ преувеличиваетъ силу идей, дѣлаетъ изъ міровоззрѣнія, изъ системы понятій какое-то волшебное царство, какою-то надзвѣдную мощь, которая, спускаясь на землю, совершаетъ зѣсь неслыханныя чудеса. Очень понятно, что этотъ взглядъ вызвалъ сильнѣйшій протестъ именно въ наше время, въ обществѣ, совсѣмъ не склонномъ вѣрить въ чудеса, въ обществѣ, гдѣ могущественно распоряжаются матеріальные интересы. Современный намъ материализмъ, напротивъ, объявилъ, что идеи безсильны что-либо творить въ жизни; идеи—только показатели на-клона интересовъ, онѣ, въ свою очередь, созданы жизнен-ными отношеніями. Идеи—не что иное, какъ оправданія, которыя слагаетъ человѣкъ для оправданія своихъ по-ступковъ, но вовсе не направлятели его дѣйствій. Что же касается христіанства, матеріалисты скажутъ: чтобы объ-яснить появленіе группы идей, составляющихъ сущность христіанства, надо установить бытовые основы эпохи. Надо сначала опредѣлить общественное состояніе тогдашней имперіи и тогдашней Іудеи, распредѣленіе и столкновеніе интересовъ; только тогда можно понять смыслъ и харак-теръ идей, просвѣдлившихся въ этомъ обществѣ.

Необходимо признать, что въ общихъ воззрѣнiяхъ материалистовъ много правдѣснаго. Люди никогда не были ангелами, даже и въ эпоху ранняго христіанства, а всегда были существами изъ плоти и крови, со слабостями, съ увлеченiями, съ хорошинами и дурными сторонами. Разумѣется, историкъ христіанства не долженъ отдаваться сантиментальному представленiю, будто, подъ вліяніемъ возвышенной мысли, массы людей способны переродиться до неузнаваемости. Конечно, идеи не съ неба взялись, а вырабатывались въ умахъ тѣхъ самыхъ лицъ, которая жили въ извѣстныхъ условiяхъ и вели борьбу за существованіе.

Общественный строй раннего христианства.

Въ изученіи ранней христіанской церкви нововропей-
ское общество всегда интересовалось вопросами социаль-
наго устройства первыхъ общинъ. Литература раннихъ
христіанъ говорить о примиреніи общественныхъ словъ,
о высококомъ подвѣзѣ морали. Расторзанное социальной
борьбой, общество Новѣйшаго времени жаждетъ узнать,
неужели дѣйствительно христіанскому ученію удалось при-
вести къ новому, счастливому строенію общественной
жизни? Иные современники наши, можетъ быть, втайнѣ
готовы надѣяться, что скоро наступятъ опять условия
для общественнаго переворота подобнаго рода.

При ршеніи этихъ вопросовъ мы встречаемся съ двумя
пріемами, рѣзко противоположными другъ другу.

Одинъ изъ этихъ пріемовъ—старый, примыкающий къ толкованіямъ самихъ основоположниковъ христіанства. Согласно этому взгляду, христіанство образуетъ систему идей новыхъ и неслыханныхъ въ мірѣ. Въ моментъ ихъ появленія чистое возвышенное міровоззрѣніе охватываетъ измученное общество и перерождаетъ его. На мѣсто узкоэгоистическихъ влеченій, на мѣсто замкнутости національной, расовой, провинціальной, классовой становится широкое братское начало, соединяющее людей въ одну востенскую общину.

Ровная всѣхъ передъ Богомъ, христіанское ученіе уста-

ніе. Конечно, очень важно знать интересы, жизненную обстановку, профессию, достатки людей, принимающих новую веру. Всё эти условия много и много объясняютъ въ ходъ мысли, въ настроеніяхъ даннаго общества.

Соглашаясь съ общими поправками материалистовъ, мы не можемъ, однако, слѣдовать за всѣми ихъ приёмами. Если мы перестали вѣрить въ чудесное происхожденіе идей, то это не значитъ, что мы должны повѣрить въ ихъ механическое происхожденіе. Совершенно вѣрно, что мировоззрѣніе и понятія людей зависятъ отъ ихъ профессій, отъ бытовыхъ условий, въ которыхъ они живутъ. Но это и все, что мы готовы признать. Материалисты же идутъ гораздо дальше: они сводятъ всё идеи на противоположности классовъ; они говорятъ о классовомъ и профессиональномъ мировоззрѣніи. По ихъ мнѣнію, у купца должны быть непремѣнно такіе-то идеи, у рабочаго такіе-то. Они пытаются всякій оборотъ мысли, всякій отгѣнокъ догмата объяснить профессіей. Образчикомъ можетъ служить объясненіе Энгельсомъ Кальвинова ученія о томъ, что всякому предопредѣлена его судьба и поступки. Мы узнаемъ, что догматъ, выставленный реформаторомъ, не что иное какъ результатъ сознанія, вырабатывающагося въ самой отъ важной части буржуазнаго общества: люди начинаютъ понимать принудительный характеръ большаго, всеобщаго, господствующаго надъ массами рынка, ничтожность воли отдѣльныхъ лицъ въ отношеніи такихъ фактовъ, какъ коммерческій успѣхъ или банкротство.

Но человекъ вовсе не такая несложная машина, какъ представляютъ себя материалисты, идеи — вовсе не прямой, непосредственный результатъ данной матеріальной среды. Одно дѣло — толчокъ мысли, можетъ быть, направленный профессіей, условіями работы, общественнымъ положеніемъ, другое дѣло — ходъ мысли, ея многообразныя развѣтвленія, встрѣчи съ мыслями другихъ людей. Разумѣется, напр., въ фактъ принятія христианства норманскими морскими разбойниками есть отгѣнки, внесенные его клас-

совымъ положеніемъ. Не даромъ норманнъ представлялъ себя Христа воинственнымъ волею небесной вооруженной силы. Безъ сомнѣнія, профессія здѣсь положила печать на мировоззрѣніе; но нельзя изъ профессіи вывести всё догматы, всё обряды. Какъ объяснить веру въ Троицу, догматы, всё причащеніе виномъ, если принять во вниманіе, что въ Норвегіи не растутъ виноградъ? Придется признать, что на сѣверъ прибыли иностранцы и завлагли умами: ученіе о Троицѣ изъ далекой Индіи, красное вино — съ береговъ Средиземнаго моря. Иначе говоря, пути культуры очень сложны, постоянно переплетаются между собою, идейныя системы не укладываются въ классовые или профессиональные ящики.

Къ сожалѣнію, историкъ не можетъ воспользоваться ни одной изъ двухъ крайностей; ни идеалистическимъ, ни материалистическимъ методомъ.

Идеалисты говорятъ о христіанствѣ: это ученіе не отъ міра сего. Вопросы матеріальнаго устройства, вопросы общественного строя для христіанъ были второстепенными. Эти люди слогали свою жизнь наскоро, временно, въ ожиданіи близкаго конца міра, въ надеждѣ на загробное блаженство. Сначала христіанское ученіе должны были принять рабы, обездоленные, простолудны, потомъ образованные, богатые, высшіе классы.

Материалисты говорятъ: въ эпоху римской имперіи сложилось жестокое неравенство, образовался пролетаріатъ, кричащая противоположность классовъ. Христіанское общество отражаетъ быть и желанія пролетаріевъ: оно должно было мыслить Христа и апостоловъ, какъ бѣдныхъ проповѣдниковъ. Оно было расположено къ коммунизму.

Историкъ не рѣшится на такіа произвольныя и неосторожныя заключенія. Никто намъ не скажетъ, что первые христіане были рабы и простолудны. Что касается древнехристіанской коммуни, то вопросъ не рѣшается такъ просто: разъ имѣлся пролетаріатъ, должна была появиться

и коммуна! История предложить путь излѣдованія болѣе медлительный, менѣе эффектный: пусть намъ отвѣтятъ на вопросъ о социальныхъ симпатіяхъ и настроеніяхъ ранняго христіанства сами книги Нового завѣта. Что говорятъ онѣ непредубѣжденному глазу? Посмотримъ, къ кому обращаются писатели и проповѣдники, какой кругъ читателей и слушателей они имѣютъ въ виду; что считается добродѣтелью и порокомъ среди нихъ; какія слова, какія бытовья сравненія приходятъ имъ всего чаще на языкъ. Такимъ способомъ мы вѣрнѣе выяснимъ физіогномію общества, воспринимавшаго христіанство.

На чемъ основывается убѣжденіе, что христіанство въ началѣ было религіей нисшихъ слоевъ общества, простолюдиновъ, бѣдныхъ, обездоленныхъ? Главнымъ образомъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ евангелій, при чемъ ихъ обыкновенно вырываютъ изъ общей связи. Такъ часто ссылаются на требованіе, которое ставитъ Іисусъ юношѣ, желающему слѣдовать за нимъ: „продай все, что имѣешь и раздай бѣднымъ, чтобы пріобрѣсти сокровища на небесахъ“. Очень обычна ссылка на остановку жизни Іисуса и апостоловъ, которымъ некуда голову преклонить, которые, ничего не имѣя, живутъ легко, добровольными даяніями.

Особенно много выраженій, благоприятныхъ для бѣдныхъ, даже возвеличивающихъ бѣдноту, можно найти у евангелиста Луки. Характерно, что слова, которые у Маттея звучатъ: „блаженны ниіе духомъ“ — у Луки обращаются въ: „блаженны ниіе“ (Матт. V, 3, Лук. VI, 20). Далѣе, у Луки есть совѣтъ, котораго нѣтъ у другихъ евангелистовъ: „когда дѣлаешь ужинъ, не зови родственниковъ и богатыхъ собесѣдъ, потому что они будутъ тебѣ оплачивать; зови бѣдныхъ, разслабленныхъ, калѣкъ, благословенъ будешь ты, такъ какъ имъ нечѣмъ отплатить тебѣ; но тебѣ отплатится при воскресеніи справедливыхъ“ (Лук. XIV, 12—14).

Только въ одномъ евангеліи отъ Луки находимъ мы

притчу о богатомъ и о бѣднякѣ Лазарѣ. Въ этой притчѣ проведенъ рѣзкій, безпощадный принципъ. Бѣдный идетъ въ царство небесное, богатый въ адъ; какъ будто бы причиной торжества одного служатъ только фактъ его бѣдности, причиной гибели другого — его богатство. Бѣдность и богатство являются сами въ видѣ моральныхъ противоположностей (XVI, 19—31).

Какие выводы можно отсюда сдѣлать? — Что ев. Лука склоненъ идеализовать бѣдность и строго относится къ богатству. Замѣтимъ, впрочемъ, что онъ не осуждаетъ богатство само по себѣ, а только извѣстное пользованіе имъ. Въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ подчеркивается, что богатъ отдавался роскоши. Напротивъ, если богатый чуждымъ отдаетъ много на благотворительность, онъ встречается полное одобреніе автора. Въ гл. XIX, 1—9 рассказывается о томъ, что Іисусъ охотно зашелъ обѣдать къ очень богатому мытарю Закхею, потому что тотъ былъ благочестивъ и заботился о бѣдныхъ; и даже по этому поводу Іисусъ переноситъ упреки толпы въ томъ, что онъ идетъ въ домъ къ грѣшнику (т.-е. ростовщику). Закхей такъ рекомендуетъ самого себя: „я отдаю половину имущества бѣднымъ, и если обману кого, вознаграждаю его вчетверо“. На это Іисусъ отвѣчаетъ: „нынѣ пришло спасеніе дому сему, потому что и онъ — сынъ Авраама (а согласно притчѣ о Лазарѣ лишь бѣднякъ признается сыномъ Авраама); ибо Сынъ Человѣческій пришелъ взискать погубившаго“.

Отсюда видно, что демократизмъ ев. Луки — консервативный, патриархальный. Никомъ образомъ нельзя вывести заключеніе, что среда, для которой писалось это евангелие, простонародная, бѣдная. Нѣтъ, мы слышимъ только протестанскую проповѣдь, обращенную къ богатымъ, причѣмъ филантропамъ и благотворителямъ, въ стилѣ современнаго намъ американца Карлети, обещано полное блаженство.

Какую бы ни взять изъ книгъ Нового завѣта, видно,

что онъ писалъ не для малограмотныхъ простодушниковъ, не для бѣдноты, а для людей образованныхъ, съ интересомъ къ исторіи, съ литературными требованиями, т.-е. для слоевъ зажиточныхъ.

Стоитъ обратить вниманіе на вступленіе къ тому же евангелію отъ Луки (I, 1—4): „Послѣ того, какъ многіе уже принимали-даже послѣдовательное описаніе совершившихся среди насъ событий, и притомъ такъ, какъ передали намъ ихъ съ самаго начала непосредственные свидетели и слушатели слова,—и мнѣ показалось умѣстнымъ вслѣдъ за ними изложить все какъ было сначала, чтобы ты, любезный Теофилъ, увѣрился въ прочной истинности учения, которое тобою воспринято“. —Надо сознаться, что такъ пишутъ предисловія только для круговъ, въ средѣ которыхъ существуетъ большая литературная требовательность.

Или вотъ — отрывокъ изъ посланія ап. Павла къ Римлянамъ (I, 18 и слѣд.) „Раскрывается гнѣвъ Божій, идущій съ небесъ на всякаго рода нечестіе и несправедливостъ людей, которые правду держатъ въ неправдѣ. Ибо понятіе о Богѣ осознано ими: Богъ далъ имъ это сознаніе. Невидимая его дѣятельность открывается въ сознаніи твореній, душныхъ отъ начала міра, а также вѣчная его мощь и божественность, такъ что имъ (непродерзавшимъ) нѣтъ никакихъ оправданій. Потому что, зная Бога, они его не чтили и не благодарили, какъ Бога, но закружились въ пустыхъ словотвореніяхъ, и поначилось неразумное сердце ихъ“. —Написавшій эти слова явно имѣлъ склонность къ нарочитой надуманности стили, во всякомъ случаѣ отнюдь не былъ изъ доступныхъ популяризаторовъ и народныхъ проповѣдниковъ; онъ могъ обращаться съ подобными рѣчами только къ начитаннымъ, философски образованнымъ людямъ.

Конечно, уже одно это обстоятельство, литературная подготовка, которая предполагалась у читателей Новозавѣтныхъ книгъ, указывать на нѣхъ зажиточность, матеріаль-

ную обезпеченность. Но у насъ есть не только косвенныя, а и болѣе прямыя данныя въ томъ же смыслѣ.

Когда вы читаете апостольскія посланія, васъ поражаютъ, до какой степени часто встрѣчаются слова „благотвореніе, богатство, получать выгоду, прибыль, выигрывать въ изобиліи, расширять свое дѣло, копить сокровища“. Если непрерывно настаивать на томъ, что подобныя слова приписываются въ переносномъ смыслѣ, что богатство разумѣется „въ милости Божіей“, прибыль относится къ духовнымъ благамъ, то все-таки языкъ остается характернымъ и односторонне-выразительнымъ. Притомъ въ рядѣ мѣстъ апостолъ имѣетъ въ виду опредѣленное матеріальное богатство. Напр. 2 посл. къ Коринтян. IX, 9—11 послѣ горячихъ воззваній къ благотворительности, къ помощи бѣднымъ общинамъ, апостолъ прибавляетъ и такой аргументъ: „Богъ имѣетъ мощь излить на васъ всякую милость, чтобы во всемъ рѣшительно и всюду вы пользовались полнымъ изобиліемъ на всякое доброе дѣло. Какъ написано: распредѣлилъ, раздалъ бѣднымъ, справедливость же ему воздана навѣки. Тотъ, кто даруетъ сѣмя съятю, дастъ ему и хлѣбъ въ пищу, и умножитъ сѣмя ваше, и дастъ ростъ плодамъ справедливости вашей, чтобы вы были богаты во всехъ отношеніяхъ съ простотою душевною, которая творитъ черезъ насъ благодареніе Богу“. —Здѣсь хотя и разсѣяно много елеинныхъ словъ, но ясно, что дѣло идетъ о самомъ реальномъ обогащеніи, которое обѣщано филантропамъ.

Далѣе, очень характерно, что апостолъ постоянно протестуется отъ впаденія въ жадность, скупость, любовь къ деньгамъ, въ гоньбу за прибылью. Изъ 1-го посланія къ Тимофею VI, 10, можно заключить, что въ христіанскихъ общинахъ иногда жестоко свирѣпствовала погоня за прибылью. Апостолъ говоритъ: „корень всехъ золъ — сребролюбіе, увлекаясь которымъ многіе отпали отъ вѣры и достали себѣ много тягостей“. —Съ подобными софитами и увѣщаніями можно было обращаться только къ бога-

тамъ людямъ; бѣднымъ было бы смѣшно давать такіа представленія.

Для социальной характеристики раннихъ христианскихъ общинъ чрезвычайно выразительно одно мѣсто 1-го посл. къ Корин. (VI, 12). Апостолъ хочетъ указать на послѣднюю степень бѣдственности, до которой не дай Богъ дойти: онъ говоритъ о людяхъ, которые должны добывать пропитаніе „ежедневной ручной работой“. Наконецъ не мѣняе любовитно извѣстное обращеніе апостола къ рабамъ съ требованіемъ, чтобы они слушались господъ, не мечтали выхотъ изъ своего состоянія, и увѣщаніе къ господамъ, чтобы они въ свою очередь хорошо обращались съ рабами (посл. къ Ефесян. VI, 5—9). Рѣчь апостола вѣдь не что иное, какъ призывъ къ сохраненію въ неприкосновенности существующаго социального порядка; она выражаетъ глубокое сочувствіе быту аристократическому, господству домовъ зажиточныхъ, заключающихъ въ себѣ много челяди.

Единственнымъ произведеніемъ, которое выдается, и довольно рѣзко, изъ этого общаго тона, является посланіе ап. Іакова. Во гл. II, 2—7 говорится: не должно быть никакого предпочтенія, никакого предпочтенія богатымъ. Если въ собраніи придетъ богатъ въ шелку и бѣднякъ въ рубищѣ, несправедливо давать одному почетъ, другого низко сажать. „Слушайте меня, любимые мои братья. Развѣ не выбралъ Богъ бѣдныхъ на этой землѣ, которые богаты вѣрой, жилимися наследниками царства, общаго, возлюбившимъ его? Вы же оскорбили бѣднаго. Не богатые ли господствуютъ надъ вами, влекутъ васъ въ суды? Не они ли оскверняютъ славное имя, дарованное вамъ?“

Въ другомъ мѣстѣ того же посланія (V, 1—6) говорится: „каково вамъ, богачи? Плачете, стенаете о бѣдѣ, которая на васъ обрушится. Ваше богатство сгнило, ваши платья сѣдены молю; золото и серебро заржавѣло, и ржавчина будетъ вамъ заменѣмъ и пожретъ тѣло ваше,

какъ огонь. Вы собирали сокровища въ послѣдніе дни (передъ концомъ міра?). Смотрите, награда работникамъ, которые собирали жатву на землѣ вашей, удержанная вами, вопіетъ, и голосъ жнецовъ дойдетъ до ушей Господа Саваоа. Вы утищали себя на землѣ, вы отдавались наслажденіямъ, вы тѣшили сердце въ день убійствъ. Вы осудили сиротелица и умертвили его, и онъ не сопротивлялся вамъ“.

Принято считать, что посланіе ап. Іакова принадлежитъ общинамъ евонитовъ, т.-е. бѣдныхъ сектантовъ. Каково бы ни было, однако, его происхожденіе, но оно вошло въ составъ канона, принятаго богатыми. Всѣ остальные произведенія Новаго завета держатся совсѣмъ иного тона. Загѣмъ же взята въ канонъ эта рѣзкая отповѣдь, имущему классу? — Можно предполагать, во-первыхъ, цѣль воспитательную. Пусть богатые не откажутся гордости, пусть помнить о равенствѣ передъ Богомъ. Но есть, кажется, и другое основаніе. Посланіе Іакова должно было застраховать имущіе христіанскіе круги отъ обвиненій въ исключительномъ аристократизмѣ. Принципъ понятенъ: уступкой сласти и охранить обладаніе остальнымъ.

Впечатленіе такой же уступки производятъ извѣстныя выраженія, разсѣяныя по всему Новому завету, которыя можно было бы назвать социалистическими: таковы слова *αγαπή, ἀγάπη, ἀγάπη, ἀγάπη*, т.-е. общинное, хоровое, соборное начало, общинникъ, сочленъ общины. Особенно часто и охотно употребляютъ эти выраженія ап. Павелъ. Онъ говоритъ объ истинномъ братствѣ, истинной общинности, называетъ себя выразителемъ общиннаго начала.

Выраженія подобнаго рода переносятъ насъ въ обстановку социальной борьбы, происходившей въ концѣ эпохи античной культуры. Столкновеніе классовъ принимало иногда очень жестока формы. Въ пользу немущихъ, обездоленныхъ были выставлены коммунистическія теоріи, имѣлись горячіе и талантливые проповѣдники социализма. Государство, высшіе классы вели борьбу съ возстаніями.

поднимающимися во имя раздѣла земли и отобрания капиталовъ. Такъ же, какъ въ Новое время, существовали промежуточные, примирительныя формы, были попытки государственнаго социализма, широкой социальной филантропій, было официальное кормленіе пролетаріевъ. Рядомъ съ этими практическими мѣрами, имуніе массы стались усвоить терминологию социализма на манеръ того, какъ Бисмаркъ воспользовался фразой: „государство не есть учрежденіе для однихъ имущихъ“.

Соціалистическія выраженія въ книгахъ Новаго завіта объясняются именно примирительнымъ направленіемъ, которое усвоили руководящіе, богатые слои, стоявшіе во главѣ религиозныхъ общинъ. Не слѣдуетъ обманываться относительно увлеченія христіанскихъ круговъ учеными коммунистами. Едва ли можно сказать, что социализмъ отбѣчалъ внутреннему характеру, интимному настроенію большинства христіанъ. Присматриваясь къ тексту евангелій и посланій, мы замѣчаемъ преобладаніе такихъ выраженій, которыя относятся къ признанію частной собственности и даже къ ея возхваденію. Говоря о приобретѣніи правъ на царство небесное, на милость Божію, апостолъ настойчиво говоритъ о наслѣдственномъ правѣ, о законныхъ наслѣдникахъ, о накопленіи сокровищъ и т. п. Социализмъ Новаго завіта — благотворительный, аристократическій. Ишь когда мы дадимъ себѣ въ этомъ вполнѣ ясный отчетъ, понятны будутъ крайне важныя мѣста Дѣяній, гдѣ говорится о коммуниѣ, устроенной апостолами въ Иерусалимѣ.

Въ гл. II, 44—45 сказано: всѣ върушше (въ Иерусалимѣ) составляли одно цѣло, и все у нихъ было въ обществѣ пользованіи; они продавали свои владѣнія и имущество и раздѣляли ихъ между всѣми смотря по надобности.

Въ гл. IV, 32, 34—37 то же самое изложено болѣе подробно. „Масса върушущихъ составляла одно сердце и одну душу. Никто изъ нихъ не говорилъ о принадлежа-

щемъ ему какъ о своей собственности, но все у нихъ было въ обществѣ владѣній. — И не было среди нихъ нуждающихся; всѣ же, кто владѣлъ домомъ или земель, продавали таковыя и приносили суммы, полученныя въ уплату, и клали къ ногамъ апостоловъ; а зачѣмъ каждому давалось смотрѣ по надобности. Иосифъ же, прозванный апостолами Варнава, что значитъ сынъ утѣшенія, левитъ, родомъ съ Кипра, продавъ принадлежащее ему поле, принесъ деньги и положилъ къ ногамъ апостоловъ“.

Въ гл. V, 1—11 разсказывается слѣдующій ужасающій случай. Нѣкто Ананія выѣхавъ съ женою Сапфирой, продалъ свое имѣніе, съ вѣдома жены утаилъ размыръ полученной платы и только часть ея принесъ къ ногамъ апостоловъ. Сказалъ ему Петръ: „Ананій, зачѣмъ Сатана заводитъ сердце твое, побуждая тебя солгать Духу святому и утаить цѣну имѣній? Развѣ оно не осталось бы у тебя, если бы ты его сохранилъ, и послѣ продажи, развѣ (сумма) не осталась бы въ твоей власти? Зачѣмъ положишь ты на сердце свое такое дѣло? Ты солгалъ не людямъ, но Богу“. Услыхавъ такія рѣчи, Ананія упалъ и испустилъ духъ. И началъ страхъ великій на всѣхъ. Встали немедленно юноши, отнесли его въ сторону и, выйдя наружу, похоронили. Часа три спустя входитъ Сапфира, которая не знала о случившемся. Петръ спрашиваетъ: „Скажи мнѣ, вѣрно ли, что вы продали имѣніе за эту цѣну?“ Она отвѣчала: „да, именно за эту“. Петръ сказалъ ей: „Зачѣмъ вы сговорились искушать духъ Божій? Вотъ смотри, у дверей ноги твои, кто вынесъ на погребеніе твоего мужа, они и тебя вынесутъ“. И Сапфиру постигаетъ та же участь.

Такъ какъ это—единственное мѣсто въ Новомъ завітѣ, гдѣ говорится о хозяйственномъ и финансовомъ порядкѣ христіанской общины, то оно, разумеется, необычайно важно; но его слѣдуетъ хорошо понять.

Изображено нѣкоторое тѣсное принудительное сообщество. Можно ли его назвать коммуной, и притомъ съ про-

общество взаимнаго страхования. Правственной обязанности перемѣнно вступать въ такое общество не существуетъ. Но разъ оно устроено, въ немъ наблюдается строгая дисциплина. Не поддержка бѣдныхъ принята во вниманіе, а страхование капиталовъ, денежных суммъ, и притомъ съ цѣлью ихъ укрытія отъ какой-то большой посторонней силы.

Въ чемъ же здѣсь дѣло?—Необходимо вспомнить насилья имперіи, жадность римлянъ, безконечный, всепроникающій деспотизмъ ихъ бюрократіи. Такое давленіе государства съ необходимостью должно было вызвать отпоръ, желаніе обитаться, защитить себя отъ официальныхъ вымогательствъ. Такъ какъ кружки, союзы были вообще запрещены—допускались только потребительныя товарищества,—то, естественно, людямъ, желавшимъ спасти свои имущества, оставалось одно: организоваться тайно. Въ тайной организаціи, какъ извѣстно, съ необходимостью развивается очень жестокая дисциплина вплоть до убійства тѣхъ, кто занодозрѣвается въ измѣнѣ.

Невольно наше вниманіе въ этомъ смыслѣ привлекается одна страшная, жуткая деталь исторіи смерти Ананій. Уличенный въ утайку, онъ тутъ же на мѣстѣ умираетъ. Совершается какъ будто чудо, но авторъ не настаиваетъ на чудесствѣ, и мы безъ труда догадываемся, какъ реально произошла смерть. Разсказъ дѣлаетъ очень опредѣленные намеки. Тотчасъ же послѣ осужденія, произнесеннаго апостолами, точно изъ-подъ земли вырастаютъ какіе-то „молочные люди“, которые выносятъ мертвеца и немедленно его хоронятъ. Когда является ничего не подозревающая жена, апостолъ объявляетъ, что ея смерти уже ждуть тѣ, кто схватилъ тѣло ея мужа; и ей выхода нѣтъ, они стегутъ ее у двери.

Такимъ образомъ, сообщество, изображенное въ Дѣянїяхъ, приводитъ судъ и расправу надъ сочленами; приговоръ смерти исполняется на мѣстѣ, и для этой цѣли есть особая стража, особые палачи изъ младшихъ членовъ союза.

Виллеръ. Возникновеніе христіанства

детарскимъ отѣянкомъ? Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ. Это не производительное товарищество, не рабочее сообщество, не совѣстная мастерская. Это—коммуна потребителей, похожая на современный домовый комитетъ. На первомъ мѣстѣ стоять не бѣдныя, не нуждающіеся, а богатые и даже они заполняютъ собою всю сцену. Мы видимъ два типа богачей: честнаго и нечестнаго въ отношеніи коммуны.

Обратимъ вниманіе далѣе, для чего существуетъ коммуна, и что въ ней болѣе всего наблюдается. Члены коммуны не должны имѣть домовъ и земельныхъ угодій, они должны все обращать въ деньги, а эти деньги отдаются апостоламъ, управителямъ общины. И вотъ эта передача апостоламъ всѣхъ наличныхъ полностью, безъ утайки и есть главная цѣль усилій при устройствѣ общины. За сокрытіе суммъ, за нечестность въ отношеніи управителей грозитъ величайшая кара; это—проступокъ противъ духа Божія. Въ сравненіи съ этимъ важнѣйшимъ моментомъ—правильной отчетностью—все остальное отступаетъ на задній планъ. Хотя и упоминается глухо о распредѣленіи средствъ такъ, что ни у кого изъ членовъ общины не было недостатка, но это какъ бы само собою разумѣется и даже не ясно, апостолы ли сами занимаются распредѣленіемъ. О кормленіи бѣдныхъ въ общинѣ совѣтъ нѣтъ рѣчи. И Ананію вовсе не за то осуждаетъ апостолъ, что онъ своей утайкой обидѣлъ немущихъ, а только за самое сокрытіе. И еще дѣлаетъ характерное прибавленіе: вѣдь если бы ты хотѣлъ удержатъ свое имѣніе или деньги, полученныя за него, ты бы могъ это сдѣлать. Т.-е. апостолъ хочетъ сказать: ты обязанъ былъ такъ поступать не по моральнымъ соображеніямъ, а по уставу нашему, разъ ты къ намъ вступилъ. Ты захотѣлъ быть членомъ нашего общества и только поэтому ты долженъ былъ подчиниться правилу объ отчетности.

Если нашъ анализъ былъ правдивъ, тогда ясно, что община, описанная въ Дѣянїяхъ,—вовсе не коммуна, какъ мы привыкли ее разумѣть. Она болѣе всего похожа на

Получается картина, необычайно выразительная: противъ жестокой организации государства слагается тайная общественная организация, не уступающая первойъ въ жестокости. Война, происходящая между двумя организациями, обостряетъ всё чувства, напрягаетъ подозрительность къ сочленамъ до послѣдней степени, переходитъ въ ненависть къ невѣрному или даже только ненадежному товарищу. Послѣдній ресурсъ государственной власти, смертная казнь, переходитъ въ число орудіи, которыми пользуются тайные союзы и братства.

Мы уже знаемъ, что круги, которые читали евангелія, принадлежали къ зажиточнымъ, дѣловымъ, промышленнымъ слоямъ общества. Разобранный эпизодъ изъ дѣяній еще болѣе подтверждаетъ наши догадки и позволяетъ сдѣлать еще одинъ шагъ дальше. У насъ есть случай заглянуть въ финансовую организацию союза; мы видимъ, что главная его цѣль—страхованіе денежныхъ капиталовъ. Это—союзъ богатыхъ людей, притомъ не заинтересованныхъ въ недвижимости или старающихся перевести ее на деньги.

Для социального описанія ранняго христіанства даетъ еще очень любопытныя черты алокалинскій Іоанна.

Въ ХVІІІ гл. мы находимъ картину гибели грѣшного Вавилона, т. е. Рима. Весьма неожиданно Римъ изображается не какъ военная или бюрократическая громада, а какъ *торговая сила*. „Кушцы Вавилона были князьями міра“ (ст. 24). Римъ представленъ въ качествѣ великаго рынка потребленія. „Кушцы міра будутъ плакать о его разрушеніи, потому что некому будетъ получать ихъ товаръ (11). Они нажились отъ разврата и роскоши вавилонской блудницы (3). Въ ст. 12—15 подробно перечисляются товары, которые были въ торговлѣ: слитки золота и серебра, драгоценныя камни, жемчугъ, шелковые, парчевыя, пурпурныя матеріи, дорогое пахучее дерево, посуда изъ слоновой кости, а также вазы изъ дѣяннаго дерева, мѣдныя, желѣзныя, мраморныя, всякія парфюмеріи, мази, духи, куренія; вино, масло, зерно и крупа, крупный и мелкій

скотъ, лошади и экипажи. Въ ст. 17—19 говорится, что вмѣстѣ съ кушцами будутъ плакать моряки, владѣтели торговыхъ судовъ, потому что они получали громадные выгоды отъ подвоза въ столицу. Наконецъ, есть такая подробность (VI, 6): одинъ изъ четырехъ жестокихъ звѣрей (повидимому, одинъ изъ императоровъ) опредѣляетъ налогъ на пшеницу и ячмень, но оставляетъ безъ обложения вино и масло.

Невольно думаешь, что тѣ, для кого писаны эти картины мести, сами были торговцы, соперничавшіе съ римскими промышленниками или ими отбѣсненные. На анализѣ можно сдѣлать еще другое наблюденіе, которое согласуется съ тѣмъ, что изложено выше. Читатели должны были особенно интересоваться ювелирными тонкостями и драгоценностями. Такое впечатлѣніе оставляетъ гл. ХХІ, гдѣ изображается новый Іерусалимъ. Свѣтъ отъ небеснаго града похожъ на блескъ самаго красиваго камня, кристалнаго яснаго (11). Далѣе идетъ подробное описаніе свѣтящихся камней и золота, изъ которыхъ выложены стѣны города, при чемъ названы 12 породъ драгоценныхъ камней (18—20); ворота изъ жемчуга (21), улицы выложены золотомъ, чистымъ, какъ кристалъ прозрачный.

Между прочимъ замѣтимъ, что едва ли можно считать эту картину чистой фантазіей писателя. Онъ описываетъ какую-то реальную диковину, которую видѣлъ въ храмѣ, въ резницѣ, былъ мѣстѣ, что-нибудь изъ старыхъ дворцовыхъ чудесъ персидскихъ царей. Въѣдь былъ же у нихъ и на престолѣмъ золотой платанъ; а у ихъ преемниковъ, багдадскихъ халифовъ, былъ золотой слонъ съ яхонтовыми глазами и какія-то райскія деревья съ плодами изъ самопѣтныхъ камней. Но какъ бы ни понимать сверхъестественность Іерусалима, несомнѣнно, что ее рисовалъ ювелиръ, обращающій къ ювелирамъ и любителямъ драгоценностей. Ювелиры же, имѣя дѣло съ золотомъ въ слиткахъ, вещахъ и медаляхъ, являются, естественно, осудчиками, ростовщиками, банкирами.

Ростовничество въ евангеліи не встрѣчается ни малѣйшаго осужденія, напротивъ, отношеніе къ нему въ высшей степени благоприятное. Нечего и говорить о томъ, что Иисусъ охотно заходитъ къ богатымъ мытарямъ, т.-е. оккупщикамъ, управлявшимъ сборомъ податей, сидитъ за ихъ трапезой. Но вотъ есть притча, со странной раздражающей моралью, притомъ разсказанная необыкновенно пространно и, такъ сказать, со вкусомъ. Въ гл. XXV, 14 еванг. отъ Матвея пришествіе Сына человѣческаго уподобляется пріѣзду хозяина, принимающаго отчетъ отъ слугъ.

Призвалъ нѣкто, собиравшійся въ отъѣздъ, своихъ слугъ и раздалъ имъ свою движимость. Одному далъ 5 талантовъ, другому два, третьему одинъ, смотря по способности каждаго; и тотчасъ уѣхалъ. Тотъ, который получилъ пять талантовъ, положилъ ихъ въ дѣло и нажить прибилъ новыхъ пять талантовъ. И тотъ, который получилъ два таланта, торговалъ еще два. Тотъ же, который получилъ одинъ, разрылъ землю и спряталъ туда серебро своего господина.

Нѣсколько времени спустя господинъ этихъ слугъ возвращается и требуетъ у нихъ отчета. Подходить поочередно пять талантовъ, выкладываетъ новыхъ пять талантовъ и говоритъ: господинъ, ты мнѣ далъ пять талантовъ, а я вотъ торговалъ еще пять. Господинъ отвѣтилъ: благо тебѣ, добрый и вѣрный рабъ, въ маломъ ты былъ вѣренъ, поставлю тебя надъ многими; войди въ рабаго господина твоего. (То же въ тѣхъ же словахъ съ рабомъ, получившимъ два таланта.) Подонекъ получившій одинъ талантъ и сказалъ: господинъ, я знаю, ты — суровый человекъ, пожалеешь, гдѣ не сѣялъ, и собираешь, гдѣ не разсыпалъ. Я потому убоился и спряталъ твой талантъ въ землю; получи свое (обратно). На это господинъ сказалъ: рабъ подлый и лѣнивый, ты знаешь, что я жну, гдѣ не сѣялъ, и собираю, гдѣ не разсыпалъ. Такъ ты долженъ былъ отдать мое серебро банкирамъ (транезитамъ), а я,

вернувшись, получилъ бы съ него свой процентъ. Поэтому отнимите у него талантъ и дайте тому, у котораго уже есть 10 талантовъ. Всякому, кто уже имѣетъ, дастся и дастся въ избытокъ. А у того, у котораго нѣтъ ничего, отнимется и то, что онъ имѣетъ. Безполезнаго же слугу бросьте во тьму наружную, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ.

Въ этомъ отрывкѣ все поразительно, начиная съ обстоятельной самовольной манеры изложенія ростовщическихъ операций и кончая возмутительною моралью, что у немущаго отнимаются послѣдніа крохи, а нажившійся и безъ того получаетъ вдобавокъ отнятое у бѣдняка. Едва ли можно спасти нравственные принципы, изложенные въ этой притчѣ, смысломъ на то, что ее надо понимать въ духовномъ смыслѣ, что таланты и проценты здѣсь приведены только для метафоры. Но вѣдь подобные метафоры почитны и милы сердцу только ростовщика; всякому другому они рѣжутъ ухо и не помогаютъ уловить мысль протѣвника. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что, помимо оправданія неравенства, притча поражаетъ еще своимъ прозаическимъ событіемъ, въ которомъ не выигралъ никакой нужды: серебро не должно лежать втупѣ, его надо относить къ транезитамъ, класть въ банкъ въ качествѣ депозита и пользоваться съ него процентами.

Не въ одномъ только евангеліи находимъ мы горячую рекомендацію банкировъ и ростовщиковъ. У Евсевія, историка ранняго христіанства, есть слѣдующее любопытное мѣсто (Ист. церкви, VII, 7). Ученый христіанинъ собирается идти въ школу къ еретикамъ. Это опасно, но и полезно. Руководитель говоритъ ему: ты озабоченъ критическимъ духомъ, ты долженъ научиться разбирать истину отъ заблужденія. Вспомни наставленіе апостольское, обращенное къ вліятельнымъ людямъ: *будьте хорошии транезитами!*

Мы должны при этомъ замѣтить, что транезиты были чужеземцами, постоянно разбавлялись въ монетахъ, умѣли от-

печатать подновленную монету отъ плохой, настоящую отъ фальшивой. Если намъ опять скажутъ такъ же, какъ по поводу пригн: вы видите здѣсь только сравненіе, суть въ характеристикѣ интеллектуальной критикъ; мы отвѣтимъ: да, но сравненіе ясно только для спеціалиста, и мы въ правѣ судить, изъ какихъ круговъ оно вышло. Если кто говоритъ: „главное будь хорошимъ плотникомъ“, мы невольно заключаемъ, что совѣтъ занимается плотничьимъ ремесломъ. Такъ и тутъ; если говорятъ: критикуй такъ, какъ ты умѣешь разбираться въ монетахъ, надо полагать, что бесѣда происходитъ въ средѣ мѣняль, банкировъ, людей денежныхъ. И разъ такъ, не удивительно, что между нами римскими встрѣчается банкиръ Калликъ. Правда, мы не знаемъ профессіи другихъ намъ, бывшихъ до него, но надо полагать, что это былъ вовсе не исключительный, а, напротивъ, вполне нормальный случай.

Такъ или иначе, но мы очень далеки отъ протестантскихъ общинъ, отъ протестантскихъ организацій. Раннія христианскія общины, поскольку онѣ выступаютъ передъ нами въ литературѣ, были организаціями зажиточныхъ людей, во главѣ которыхъ стояла денежная, финансовая организація. Противъ самодержавной римской имперіи поднялась большая сплоченная сила, богатая средствами, со своими законами, своей вѣрой, своимъ управлениемъ. Судя по многочисленнымъ социальнымъ выражениямъ, разбланнымъ въ книгахъ Новаго завета, судя по тому, что большое мѣсто въ организаціи было отдано филантропіи, руководители были вынуждены сдѣлать въ пользу новыхъ управляемыхъ ими общества рядъ уступокъ. Искусны, тактичны уступки не могли, однако, замѣнить общій социальный тонъ организаціи, и мы ясно читаемъ въ книгахъ Новаго завета бытовую физиогномію общества, для котораго эти книги были составлены.

Заключеніе.

Внимательный разборъ книгъ Новаго завета показываетъ, что христианскія общины не были организаціями протестантскихъ. Конечно, возможно, что тамъ и самъ возникали бѣдныя общины, но не онѣ составили силу ранней церкви, не онѣ создали литературу Новаго завета, которая и есть самое оригинальное дѣло христианства.

Нѣтъ, руководителями церкви были круги зажиточныхъ, образованныхъ людей, сильныхъ капиталомъ, взаимными связями, традиціями прошлаго. Ихъ союзы не могли возникнуть внезапно, ихъ начало не было малымъ горничнымъ зерномъ, изъ котораго выросло большое древо; это—преувеличенно скромное литературное сравненіе. Историкъ не можетъ допустить, чтобы великое движеніе пошло отъ краткой дѣятельности одного лица, не можетъ признать, чтобы основой церкви была маленькая іерусалимская община, состоявшая изъ личныхъ свѣдѣній дѣятельности безвѣстно какого проповѣдника. Немыслимо, чтобы интересамъ раба вдохновили авторовъ такихъ изумительныхъ произведеній искусства, какъ евангелія.

Литература, отъ которой остались лишь обрывки въ видѣ книгъ, принятыхъ въ канонъ Новаго завета, опирается на глубокія и сложныя традиціи старины, и это потому, что само общество, воспринявшее эти книги, было продолженіемъ старинныхъ могущественныхъ организацій. Дѣйствительно, двѣ націи дали матеріалъ для возрождающейся церкви: безчисленные греческія сектантскія общины

вошли въ соприкосновение и слились съ провинціальными вѣтвями, съ окраинами великой іудейской теократіи, имѣвшей центръ въ Іерусалимѣ.

Можно сказать, что и церковь, и вѣра были готовы уже до возникновенія христіанства; въ самомъ его появленіи рѣшающую роль сыграла катастрофа іудейской революціи и ея неудачнаго конца. Произошелъ разгромъ церковнаго единства, совершилась гибель неосредствленныхъ ожиданій противоримской оппозиціи. Послѣ ряда дѣлъ отчаянія и колебаній, которыя выражались въ апокалипсахъ, обрывки раздробленной церкви опять стали собираться; они усилились отъ прилива новыхъ приверженцевъ. Этотъ приливъ сталъ возможенъ потому, что чисто-іудейскія, палестинскія черты ослабѣли, стали вывѣтриваться и въ ученіи, и въ устройствѣ общины. Усилилось напращленіе религіи духа. Спаситель изъ іудейскаго Мессіи сталъ покровителемъ всѣхъ народовъ, всѣхъ труждающихся и обремененныхъ. Вѣра сдѣлалась общенародною, космополитическою.

Какъ ни обрывочна дошедшая до насъ литература, въ ней сохранились слѣды работы мысли, вызванной катастрофой и перерожденіемъ церкви. Ея представители, вонувшихъ, искусно установили мостъ между своей эпохой, съ одной стороны, и между великой героической и страдальческой порой революціи—съ другой: они достигли этой цѣли тѣмъ, что объявили апокалипсы, писанныя въ революціонную эпоху, своими книгами, и еще тѣмъ, что помѣстили своего героя, въ эпоху, предшествующую революціи, и заставили его предсказывать катастрофу Іерусалима.

Во-вторыхъ, новозавѣтная литература распространила образъ учителя и проповѣдника, цѣлителя и духовника людей, безконечно добраго, прощательнаго, самоотверженнаго; его рѣчи, его усюконтелныи и угѣбашіи слова, его поученія располагаются въ видѣ ритмически баюкающихъ стиховъ, и самый стиль, въ которомъ изложено

ученіе, гармонически сливается съ прекрасной легендой о наставникѣ, странствующемъ по землѣ, полномъ заботы ко всѣмъ, вплоть до самыхъ низжайшихъ людей.

Во-третьихъ, евангелия стараются соединить своего героя, Іисуса, съ Мессіей, съ Христомъ. Они хотятъ сказать: у людей не только всегда есть защитникъ, есть высшій ангель-хранитель, есть вѣчно живой другъ; нѣтъ, помимо того еще, однажды была принесена жертва величайшая, искупитель пострадалъ за всѣхъ, за свой народъ, за други свои. Въ качествѣ искупителя и выступилъ добрый, мягкій, прекрасный учитель. Когда онъ принялъ долговѣщій образъ, когда замѣшался въ толпу, когда изложилъ свое евангеліе, свою благою вѣсть, его не поняли, не узнали, его выступленіемъ возмущались, его загубили. Остѣпленный народъ предпочелъ Іисусу, называемому Христомъ, другого Іисуса, Варавву, разбойника и убійцу.

Изъ всѣхъ проблемъ, надъ которыми бился евангелистъ, самая трудная состояла именно въ отождествленіи Іисуса и Христа, двухъ глубоко различныхъ идеальныхъ типовъ. Если читать евангелія внимательно и безпристрастно, если при этомъ постараться забыть то, чему учили насъ догматы, мы не можемъ не чувствовать громадной натяжки, которая заключена въ этомъ отождествленіи.

Чувствуютъ её также очень ясно тѣ, кто хочетъ Іисуса сдѣлать обыкновеннымъ смертнымъ, дѣтелемъ, казненнымъ въ Іерусалимѣ,—тѣ, кто старается воспользоваться евангелиемъ, какъ историческимъ источникомъ. При толкованіи подобнаго рода получаютъ неразрѣшимыя загадки. Какимъ образомъ галлѣйскій проповѣдникъ, столь любимый у себя дома, захотѣлъ пойти въ чуждую ему среду Іерусалима? Отчего народъ, который и тамъ его сначала радостно встрѣтилъ, такъ легко его покинулъ и ожесточился противъ него? Откуда у мягкаго, безнечнаго галлѣянина появился темпераментъ революціонера, упрямнаго фанатика месіаической идеи? Какъ случилось, что скромный, строгій къ себѣ учитель, который не позволялъ

себя называть добрыми, потому что одинъ лишь Богъ можетъ быть названъ добрымъ, вдругъ начинать себя считать Сыномъ Божиимъ, публично притти во славу, возносившись посланникомъ небесъ?

Всѣ эти загадки разрѣшаются, лучше сказать, онѣ не могутъ и возникнуть, если на евангелія смотреть, какъ на отраженіе мыслей своего вѣка: мы тогда читаемъ въ литературномъ произведеніи вѣрованія времени, изслѣдованія и заключенія авторовъ, попытки соединить вмѣстѣ въ одинъ образъ всѣ черты, которые были дороги религіознымъ ислателямъ.

Въ качествѣ общественнаго союза церковь становится также понятна изъ условій своего времени. Она родилась изъ оппозиціи деспотическому, ненавистному самодержавію; она пыталась собрать въ своей средѣ всѣхъ, кто спасался отъ давленія безогляднаго государства. Но, помимо того, церковь организовалась послѣ эпохи жестокой социальной борьбы и подъ впечатлѣніемъ ея тяжелыхъ бурь. Въ концѣ античнаго міра, такъ же, какъ въ наше время, были пролиты потоки крови изъ-за социализаціи земли, такъ же разбился социалистическій идеалъ и такъ же пролетаріи, побужденные въ борьбѣ, взаимно истерзавшіе другъ друга, утративъ даръ творчества и устройства жизни, пассивно подчинились руководительству имущихъ, культурно образованныхъ слоевъ. Искусные организаторы черквы тактично праявляли въ дѣлѣ общаго устройства демократическіе и социалистическіе терминны, сдѣлали нужныя услуги демократіи, еще недавно бושевавшей.

Составляетъ ли раннее христіанство общественный прогрессъ? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить, тѣмъ болѣе что общество во всякую эпоху добирается до какой-то единственно возможной для него при данныхъ условіяхъ организаціи. Зато безъ колебанія можно сказать, что возникновеніе христіанства происходило въ эпоху культурнаго упадка и огранило на себѣ интеллектуальный уклонъ времени.

Переховые слои греческаго, іудейскаго и римскаго общества эпохи около Р. Х. стояли на довольно высокой ступени научнаго развитія, а въ религіозныхъ вопросахъ проявляли немалый скептицизмъ, удовлетворяясь лишь такими построениями, которые не противорѣчили разуму. Характерно, что Цезарь позволялъ себѣ публично путить надъ идеей челоѣческаго бессмертія. Одно изъ возрѣній, очень распространенныхъ въ широкихъ кругахъ античнаго общества, состояло въ томъ, что всѣ боги, въ томъ числѣ и Высшій, — не что иное, какъ созданія челоѣческой фантазіи, рассказы о нихъ — преувеличенныя сказки о старинныхъ людяхъ. Въ средѣ садукеевъ, т. е. въ зажиточныхъ, образованныхъ слояхъ іудейскаго общества, стоявшихъ близко къ храму, было принято относитися отрицательно къ понятію загробной жизни. Исходя отъ идеи просвѣщенной политики, римское императорское правительство преслѣдовало еевѣрія, изгоняло изъ столицы волхвишниковъ, знахарей и астрологовъ. Между тѣмъ мы видимъ, что въ Новозавѣтной литературѣ отдала немалая дань стариннымъ вѣрованіямъ, которые попрежнему оживаются въ обиходѣ. Евангелія передаютъ множество случаевъ, когда болные излѣчивались приѣмами магіи. Опять создается вѣра въ загробный міръ. Наконецъ, совершаетъ свое вступленіе и самое странное изъ волхвишныхъ искусствъ древняго окультизма — некромантія, воскрешеніе мертвыхъ. И какъ разъ самое позднее изъ евангелій, Іоанново, несмотря на свой философскій подѣсъ, беретъ пропагандировать ученіе и практику волхвишниковъ. Эта встрѣча въ одномъ и томъ же литературномъ произведеніи тонко развитыхъ богословскихъ понятій и грубыхъ еевѣрій особенно наглядно показываетъ, въ какой мѣрѣ быстро развивается упадокъ умственной жизни, насколько захвачены ранне-христіанскіе круги разрушительнымъ потокомъ, уносящимъ съ собою созданія античной культуры.

нихъ; или что говорить Аристони или пресвитеръ Іоаннъ. Я и въдь старался извлечь пользу не столько изъ книгъ, сколько отъ живого вѣчнаго слова. Зѣлъ намъ необходимо принять во вниманіе, что онъ различаетъ двухъ людей съ именемъ Іоанна — одного болѣе ранняго, котораго онъ причисляетъ къ Петру, Іакову, Матеею и остальнымъ апостоламъ, ясно отмѣчая такимъ образомъ евангелиста, и затѣмъ — другаго Іоанна, котораго онъ выделяетъ особо, помѣщая его въ число другой группы, рядомъ съ апостолами, ставя впереди него Аристона и также отчетливо называя его Іоанномъ. Благодаря этому подтверждается правильность разсказа о томъ, что въ Азіи было два лица одного имени, что въ Ефесѣ есть двѣ монастыи и по сихъ поръ упоминаются два Іоанна. Необходимо принять это къ свѣдѣнію: ясно, что апокалипсисъ, носившій имя Іоанна, составляетъ откровеніе, видѣнное вторымъ изъ нихъ, если только кто не захочетъ причислить таковое первому.

И вотъ Папій, выяснившійся теперь передъ нами, удостоверяетъ, что онъ усвоилъ слова апостоловъ отъ ихъ спутниковъ, Аристона же и пресвитера Іоанна онъ самъ лично слышалъ. Онъ часто упоминаетъ ихъ имена, а въ своихъ сочиненіяхъ излагаетъ переданное ими ученіе. Мы говоримъ это не даромъ. Считаемо также необходимымъ къ вышеприведеннымъ словамъ Папія присоединить еще другія его выраженія, въ которыхъ онъ передаетъ чудеса и нѣкоторыя вещи, усвоенныя имъ изъ преданія. Уже изъ предшествующаго изложенія выяснилось, что апостолъ Филиппъ прожилъ въ Цераполѣ со своими дочерьми; теперь должно отмѣтить, что вслѣдъ за ними появился Папій, который упоминаетъ о томъ, что усвоилъ объясненіе чудесъ отъ дочерей Филиппа. Онъ разсказываетъ о воскресеніи мертвца, которое произошло при немъ, и еще другое чудо передаетъ онъ о Іустѣ, прозываемомъ Варсавою, а именно, что онъ выпилъ смертельный ядъ и что по благодати Господней остался невредимъ. Этого Іуста послѣ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Исторія церкви Евсевія, III, 39.

Считается пять книгъ Папія, озаглавленныхъ "Объясненія Словъ Господнихъ". О нихъ, какъ единственныхъ произведеніяхъ Папія, упоминаетъ Ирений въ такихъ словахъ: "все это записано у Папія, бывшаго слушателемъ Іоанна и товарищемъ Поликарпа, человѣкомъ стараго времени, въ четвертой изъ его книгъ; всего же онъ составилъ ихъ пять". Таково указаніе Ирenea. Что же касается самого Папія, то, судя по предисловію къ его сочиненію, онъ не былъ никогда ни слушателемъ, ни очевидцемъ (дѣятельности) святыхъ апостоловъ; но онъ воспринялъ сущность вѣры отъ людей, знакомыхъ съ послѣдними, о чемъ передаетъ въ слѣдующихъ словахъ: "я не замедлю изложить тебѣ въ объясненіяхъ то, что хорошо усвоилъ отъ старѣйшаго поколѣнія и хорошо запомнилъ, прочно увѣрившись въ истинѣ изученнаго. Я увлекся, подобно многимъ, не тѣми, кто много говоритъ, но тѣми, кто говоритъ истину; и не тѣми, кто напоминаетъ чуждыя предписанія, а тѣми, кто (излагаетъ) начала вѣры, внушенныя Господомъ и исходящія отъ самой истины. Если же полагался человекъ, бывшій спутникомъ старѣйшихъ, я составлялъ слова самихъ старѣйшихъ: что говорилъ Андрей, что Петръ, что Филиппъ, или Ома, или Іаковъ или Іоаннъ, или Матей, или еще кто изъ учениковъ Господ-

вознесения Спасителя святые апостолы поставили кандаломъ вмѣстѣ съ Маттеемъ, помолвившись надъ ними, чтобы заполнить число апостоловъ и замѣнить санъ вѣсто предателя Иуды, какъ намъ рассказываютъ Дѣянія апостоловъ: „и поставили двоихъ, Иосифа называемаго Варсаввою, который звался также Густомъ, и Маттея; и помолвившись, сказали...“

И еще передаетъ (Палій) многое, что перешло къ нему изъ устнаго преданія, странныя притчи Спасителя, и учения его, и еще болѣе баснословныя свѣдѣнія. Между прочимъ онъ говоритъ о тысячелѣтіи, которое наступитъ послѣ воскресенія мертвыхъ, представляя себѣ водвореніе на землѣ Христова царства въ настоящемъ тѣлесномъ видѣ. Я думаю, что онъ усвоилъ объясненія, исходившія отъ апостоловъ, но не понималъ таинственнаго смысла, заключеннаго въ данныхъ ими примѣрахъ. Насколько ясно ступаетъ изъ его же собственныхъ словъ, онъ былъ очень ограниченнаго ума. Тѣмъ не менѣе многимъ изъ представителей церкви, слѣдовавшимъ за нимъ, онъ казался авторитетнымъ въ виду его принадлежности къ старому поколѣнію, какъ, напр., Иренею и всякому другому, кто держался тѣхъ же взглядовъ.

Въ своемъ сочиненіи онъ передаетъ объясненія словъ Господнихъ, принадлежащая вышеупомянутому Арсіеіону, и толкованія пресвитера Іоанна. Отсылая къ нимъ людей любознательныхъ, мы по необходимости ограничимся, въ присоединеніе къ вышеупомянутымъ его мнѣніямъ, замѣчаніемъ его о евангелистѣ Маркѣ, изложеннымъ въ слѣдующихъ словахъ: „Вотъ что говорить пресвитеръ: Маркъ былъ толмачомъ (секретаремъ) Петра; то, что онъ записывалъ, онъ записалъ тщательно, но не въ томъ порядкѣ, какъ это было сказано и совершенно Христомъ. Самъ онъ не слушалъ Господа и не слѣдовалъ за нимъ, но, какъ я сказалъ, (присоединился) послѣ къ Петру, который сообразно необходимости излагалъ учения, вовсе не стараясь привести слова Господни въ систему, такъ что

Маркъ нигдѣ не погрѣшалъ, записывая отдѣльныя части, какъ онъ ихъ запомнилъ: онъ заботился лишь объ одномъ, чтобы не пропустить ничего, что онъ слышалъ, и ни въ чемъ не сдѣлать ошибки“. Вотъ что онъ рассказываетъ Палію о Маркѣ.

О Маттеѣ же онъ говоритъ слѣдующее: „Маттеѣ составилъ на еврейскомъ языкѣ Логія (собраніе рѣчей), которыя каждый переводилъ, какъ могъ.“ Самъ онъ пользовался свидѣтельствомъ перваго посланія Петра. Онъ излагаетъ также другую исторію, о женщинѣ, обвинявшейся во многихъ грѣхахъ въ пору пребыванія Господа, о которой говорится въ Евангеліи евреевъ. Мы считаемъ необходимымъ упомянуть объ этомъ въ добавленіе къ вышеуказанному.

2. Лѣтописи Тацита, XV, 44.

(Въ главахъ 37—43 Тацитъ рассказываетъ о неслыханномъ развратѣ и мотовствѣ Нерона. Послѣ одного изъ роскошныхъ и безобразныхъ пиршествъ, въ которыхъ участвовала знать и богатые люди, надъ Римомъ разразилось жестокое несчастье — именно громадный шестидневный пожаръ, отъ котораго пострадали преимущественно бѣдные классы. Неронъ старался дать пристанище погорѣльцамъ, но его ухаживаніе за народомъ не достигло цѣли, напротивъ, въ Римѣ распространился слухъ, что императоръ во время пожара воспѣвалъ гибель города стихами Гомера. Такъ же мало примирили съ нимъ народъ попытки возродить Римъ въ новомъ видѣ, болѣе красивомъ и гігіеничномъ. Усиливаясь вернуть себѣ популярность въ римскомъ населеніи, Неронъ ищетъ, на кого бы скинуть вину за великое бѣдствіе. Въ этой связи рассказывается о христіанахъ.)

44. Такия мѣры принимались по чрезвычайному благоразумію. Затѣмъ искали средствъ къ умилостивленію боговъ, и обратились для этого къ Сивиллинымъ книгамъ,

на основаніи которыхъ устроили молебствіи Вулкану, Церерѣ и Прозерпинѣ, а также посредствомъ матроны, была умилостивлена Юнона, сначала изъ Камитоліи, потомъ у ближайшаго моря, гдѣ была почерпнута вода, которою были окроплены храмъ и статуя богини. Женщины, имѣвшія мужей, справили циръ богинямъ и ночью бѣгнія. Но ни человѣческою помощью, ни щедротами государя, ни умилостивленіями боговъ не устранился позорный слухъ, что пожаръ былъ дѣломъ приказанія. Поэтому чтобы уничтожить этотъ слухъ, Неронъ поставилъ виновныхъ и прибилъ самыя изысканныя наказанія къ ненавистнымъ за ихъ мерзости людямъ, которыхъ чернь называла христианами. *Высказка этого имени Христосъ была въ прилагательное Тиберія каменъ прокураторомъ Помпіємъ Пилатомъ, и подавленное на время пугливое суетворіе вырвалось снова наружу и распространилось не только по Іудеѣ, гдѣ это зло получило начало, но и по Риму, куда стекаются со всѣхъ сторонъ, и гдѣ широко прилагается къ дѣлу всѣхъ гнусности и безстыдства. Такимъ образомъ, были сначала схвачены тѣ, которые себя признавали (христианами), затѣмъ, по ихъ указанію, огромное множество другихъ, и они были уличены не столько въ преступленія, касавшемся пожара, сколько въ ненависти къ человѣческому роду. Къ казни ихъ были присоединены издѣвательства: ихъ покрывали шкурами дикихъ звѣрей, чтобы они погибли отъ растерзанія собаками, или притворяли ихъ ко кресту, или жгли на огнѣ, а также, когда оканчивался день, ихъ сожигали для ночного освѣщенія. Неронъ предложилъ для этого зрѣлища свой паркъ и давалъ игры въ циркѣ, гдѣ онъ смѣшивался съ простымъ народомъ въ одѣяніи возницы или правилъ колесницей. Поэтому, хотя христиане и были люди виновные и заслужившіе крайняго наказанія, къ нимъ рождалось сожалѣніе, такъ какъ они истреблялись не для общественной пользы, а ради жестокости одного человека.*

Среди современныхъ ученыхъ есть такіе, которые полагаютъ, что вставкой у Тацита слѣдуетъ считать не только одчеркнутыя слова, но и большую часть 44-ой главы, поскольку въ ней идетъ рѣчь о христианахъ. Намъ кажется, что нѣтъ нужды идти такъ далеко въ сомнѣніяхъ относительно подлинности текста. Въ эпоху Тацита могло быть извѣстно выраженіе „христиане“. Весь вопросъ въ томъ, кого разумѣлъ здѣсь авторъ. Допустимъ два предположенія:

1) что христианами здѣсь названы іудейскіе месіанисты, ожидавшіе наступленія народнаго царя (по-гречески Христа) и подозрительные римскимъ властямъ въ качествѣ революціонеровъ. Въ пользу такого объясненія говоритъ эсылка Тацита, что родиной этого зла является Іудея.

2) Если предположить, что въбесто *christianos* стояло *christianos* (что возможно, такъ какъ слово взято съ греческаго, а въ то время греческое долгое „э“ выговаривалось какъ „и“), то надо искать связи названія секты съ *Chrestus*. Кто такое *Chrestus*? Таково было прозваніе египетскаго бога Сераписа, *chrestiani* назывались его послѣдователи. Если принять во вниманіе, что многіе чужіе культы вызывали презрѣніе у римлянъ, и что особенно склонными къ разврату считались египетскія секты, то становится понятна Тацитова характеристика христианъ, какъ людей „ненавистныхъ за ихъ мерзости“. *Chrestus*, однако, могло имѣть отношеніе и къ іудеямъ. У Светонія въ біографіи Клавдія (гл. 25) говорится: „императоръ“ выгналъ изъ Рима іудеевъ, которые волновались по имену Хреста“.

Въ подлинности всего разсказа Тацита (за включеніемъ двухъ строкъ о смерти Христа при Тиберіи) нѣтъ основанія сомнѣваться, потому что о христианахъ римскій писатель говоритъ рѣзко и въ тонѣ обычнаго отношенія къ Востоку. Зачѣмъ бы сталъ христианскій интерполаторъ вставять упоминаніе о „мерзостяхъ“ христианъ? Намъ кажется, однако, что *christiani*, о которыхъ упоминаетъ

Тацитъ, не имѣли никакого отношенія къ позднѣйшимъ участникамъ христіанской церкви. Слово christianіi долге служило официальнымъ, полицейскимъ терминомъ, который примѣнялся враждебной стороной, но не самими сектантами. Повидному, позднѣйшіе христіане сознавали, что упомянутыя у Тацита одноименныя съ ними жертвы Церона чужды имъ по существу. Но такъ какъ они жадно искали въ античной литературѣ малѣйшаго упоминанія о подвижникахъ своего дѣла, то и рѣшили, что у Тацита въ данномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о какихъ-то предшественникахъ. Желаніе оправдать это историческое заключеніе привело именно къ тому, что была сдѣлана вставка, объясняющая имя христіанъ отъ Христа (или скорѣе замѣна какихъ-то опущенныхъ словъ данными).

3. Иудейскія Древности Іосифа Флавія, кн. XVIII, гл. III.

1. Пилатъ, начальникъ Іудей, передвинулъ войско изъ Цезарея на зимовку въ Іерусалимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нарушение іудейскихъ обычаевъ, задумалъ ввести въ городъ изображенія Цезарей, вѣланныя въ знамена, между тѣмъ какъ законъ намъ запрещаетъ примѣненіе образа. Вслѣдствіе этого прежніе начальники допускали вступленіе въ городъ лишь такихъ знаменъ, которые были лишены этого украшенія. Пилатъ же первый, пренебрегая людскими понятіями, подъ покровомъ ночной тьмы внесъ въ Іерусалимъ знамена съ лицами изображенными. Когда узнали объ этомъ (іудей), большая толпа направилась въ Цезарею съ мольбой, и люди стояли въ теченіе долгихъ дней, прося объ удаленіи образовъ. Такъ какъ онъ не уступалъ, считая, что иначе будетъ нанесено оскорбленіе Цезарю, а толпа, въ свою очередь, упорствовала и не расходилась, онъ на шестой день разставилъ незамѣтно вооруженныхъ солдатъ, а самъ вошелъ на трибуну, устроенную среди бѣгового круга, гдѣ была скрыта засада. Когда іудей

опять подняли свои жалобы, онъ окружилъ ихъ по данному сигналу солдатами и грозилъ немедленно перерѣзать всѣхъ, если они не перестанутъ шумѣть и не разойдутся по домамъ. Въ отвѣтъ они стремглавъ бросились на землю и обнажили шеи, заявляя, что съ радостью примутъ смерть лучше, чѣмъ допускать нарушеніе своихъ законовъ. Пилатъ, пораженный ихъ твердостью въ соблюденіи обычаевъ, тотчасъ распорядился перенести образа изъ Іерусалима въ Цезарею.

2. Онъ собирался также провести въ Іерусалимѣ водопроводъ на средства, взятыхъ изъ храмовыхъ денегъ, при чѣмъ хотѣлъ начать отъ источника стадіяхъ въ 200 отъ города. Имъ, однако, не понравилась работа надъ водопроводомъ; сошлось нѣсколько десятковъ тысячъ людей и стали громко требовать, чтобы онъ прекратилъ это предпріятіе, а нѣкоторые османи его бранью, какъ это любилъ дѣлать толпа. А онъ окружилъ ихъ большимъ числомъ солдатъ, одѣтыхъ въ длинное платье мѣстнаго покроя и срывавшихъ подъ нимъ дубины, разставлялъ ихъ такъ, чтобы нагнать со всѣхъ сторонъ, и приказалъ народу расходиться. Когда толпа опять надвинулась съ ругательствами, онъ далъ солдатамъ условленный знакъ. Они же разъярились и начали расправляться гораздо рѣзче, чѣмъ приказалъ имъ Пилатъ, нападая безъ разбору на тѣхъ, кто шумѣлъ, и на совершенно безвинныхъ, такъ что изъ безоружной массы, захваченной людьми, приготовившимися къ нападенію, многие оказались убитыми, многие получили увѣчья. Такъ окончился этотъ мятежъ.

3. Въ это время выступилъ Іисусъ, человекъ глубокой мудрости, если только правда называетъ его человекомъ. Совершитель чудеснаго дѣла, онъ былъ учителемъ людей, воспринимавшаго съ радостью истину, и многіхъ какъ иудеевъ, такъ и грековъ, онъ привлекалъ на свою сторону. Онъ былъ Христомъ. Когда по доносу первосвященникова у насъ людей Пилатъ распустилъ его на крестъ, не пожелавъ тѣ, кто впервые его возлюбилъ. Но третій

день онъ снова явился къ нимъ женой, о чемъ, равно какъ и о тысячахъ чудесныхъ дѣлъ, предсказамъ божественныхъ пророки. И сейчасъ еще существуютъ родъ эритрея, помнящихъ отъ него свое имя.

4. Въ эту же пору еще другое страшное дѣло взошло въ Римѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ храмъ Изиды, что я разскажу о дерзости, совершенной въ связи съ культъ Изиды, а потомъ перейду къ событіямъ, касающимся юдеевъ. Въ Римѣ жила нѣкто Паулина, выдававшаяся своимъ знаніемъ происхожденіемъ, а также личными качествами, которыми она вполне оправдывала свое имя, очень богатая и очень красивая, при чемъ въ возрастѣ, въ которомъ женщины по преимуществу увлекаются, ея мысли были направлены на жизнь разумную и умѣренную. Она вышла замужъ за Сатурнина, изъ всѣхъ людей равнаго званія наиболѣе ея достойнаго. Въ нее влюбился Децій Мундъ, одинъ изъ богатѣйшихъ вѣдниковъ того времени. Стараясь взять ея подарки и надаявъ все больше и больше, по встрѣчая полное пренебреженіе, онъ, наконецъ, обѣщавъ 200.000 аттическихъ драхмъ за одну ночь. Когда она не отозвалась и на это предложеніе, онъ не смогъ перенести любовную неудачу и рѣшилъ умерить себя голодомъ, чтобы прекратить свои душевные страданія. Онъ бы и исполнилъ свое намѣреніе, если бы не Ида, вольноотпущенная отца Мунда, мастерица разныхъ темныхъ дѣлъ, вовсе не желавшая допустить смерть юности, тѣмъ болѣе его безславную гибель. Придя къ Децію, она возбудила въ немъ надежды и обѣщала добиться для него свиданія съ Паулиной. Онъ принялъ ея предложеніе съ радостью, а она сказала, что ей нужно пятьдесятъ тысячъ для удовольствія этой женщины. Такими рѣчами она совершенно востресала юношу, взяла у него сиромашенную суму, но не стала дѣйствовать прежними путями подношенія подарковъ, такъ какъ видно было, что на Паулину не дѣйствуютъ деньги. Забывши, что Пау-

лина усердно посѣщаетъ богослуженіе Изиды, она принялась за слѣдующій планъ. Вступила она въ разговоры со жрецами и, взявши съ нихъ клятву, что все сохранится въ тайнѣ, выдала имъ немедленно 25.000, а другую половину обѣщала дать послѣ удачнаго выполненія; затѣмъ она объяснила горячую страсть юноши и просила настойчиво доставить ему случай ея удовлетворенія. Ослѣпленные множествомъ золота, они согласились; старшій изъ жрецовъ пошелъ къ Паулинѣ, и, добившись входа къ ней, сталъ настаивать на разговорѣ съ ней наединѣ. Въ секретной бесѣдѣ онъ ей сообщилъ, что присланъ богомъ Анубисомъ, который побужденъ любовью къ ней и желаетъ ей видѣть. Она почувствовала себя очень польщенной, похвалилась передъ своими друзьями честью, которую ей оказываетъ Анубисъ, и заявила мужу, что ей предстоитъ ужинъ и ложе вмѣстѣ съ Анубисомъ, на что онъ согласился, увѣренный въ ея цѣломудріе. Она отправилась въ храмъ, поужинала тамъ, а когда наступило время житья съ жрецомъ, жрецъ заперъ двори и затупилъ они внутри храма; тутъ и появился Мундъ, скрывавшійся въ храмѣ, осматривая ея своими ласками и проведъ съ нею всю ночь, при чемъ она оставалась въ убѣжденіи, что съ нею богъ. Когда онъ ушелъ прежде, чѣмъ проснулись жрецы, участвовавшіе въ разговорѣ, Паулина утромъ вернулась къ мужу, и рассказала ему о явленіи Анубиса, а также похвалилась о томъ же передъ своими пріятельницами. Онъ же, съ одной стороны, ей не вѣрили, разбирая дѣло по существу, съ другой—не рѣшались отвергнуть ея прізнаніе въ виду ея несомнѣнной цѣломудренности. На третій день послѣ этого событія Мундъ, повстрѣчавшись съ Паулиной, сказалъ: „Ты сберегла мнѣ 200.000, которые могла бы присоединить къ своему имуществу, и всо-таки удовлетворила своему страстному желанію. Меня не огорчаетъ то, что я отвергнутъ подлѣ именемъ Мунда; зато я получилъ полное наслажденіе подлѣ именемъ Анубиса“. Съ этими словами онъ пошелъ дальше, а она лишь

теперь поняла совершенный надъ нею дерзкій обманъ; разорвавъ на себѣ одежду, она открыла мужу весь позоръ совершившагося и стала требовать отмщѣнія. Тогда онъ донесъ о происшествіи императору. Тиберій, по строгомъ разслѣдованіи дѣла, велѣлъ распятъ на крестѣ жрецовъ, замѣшанныхъ въ это дѣло, а также Цу, виновницу всего возмутительнаго замысла. Затѣмъ приказалъ разрушить храмъ и бросить идолъ Изиды въ рѣку Тибръ. Мунда же наказалъ ссылкой, считая, что за свой проступокъ онъ не заслуживаетъ большаго наказанія, такъ какъ причиной его является страсть. Таковъ конецъ храма Изиды, вызванный преступленіями жрецовъ. Я перехожу теперь къ судьямъ, испытаннымъ въ то время іудеями въ Римѣ, какъ бы и предполагалъ это сдѣлать.

5. Былъ здѣсь іудей, бѣжавшій съ родины по обвиненію въ нарушении законовъ и въ страхѣ наказанія, чловѣкъ негодный во всѣхъ отношеніяхъ. Устроивъ себѣ знакомства въ Римѣ, онъ сталъ выдавать себя за толкователя Моисеева закона. Въ сообществѣ еще съ тремя подобными себѣ людьми онъ убѣдилъ одну изъ знатнѣйшихъ римлянокъ, Фульвію, принявшую Моисеевъ законъ, чтобы она послала въ іерусалимскій храмъ золото и цурпурную ткань. Получивъ въ свои руки эти дары, они растратили ихъ на свои нужды, для чего въ сущности и выманили у нея. Тиберій узнавъ объ этомъ отъ преданнаго ему Сатурнина, мужа Фульвіи, которая показывалась ему, и велѣлъ изгнать изъ Рима всѣхъ іудеевъ. Консулы забрали изъ нихъ 4 тысячи на военную службу и отослали на островъ Сардинію; большинство же подвергли наказанію, такъ какъ, слѣдуя своимъ національнымъ обычаямъ, они не хотѣли нести военную повинность. Такимъ образомъ, изъ-за подлости четырехъ чловѣкъ пострадали всѣ іудеи, бывше въ Римѣ.

Книгоиздательство "ФАРОСЪ".
МОСКВА, Чудовская улица, 15, кв. 6. ☐ Телефонъ 4-45-30.

Ф. Ауэрбахъ. ОСНОВНЫЯ ПОНЯТІЯ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Переводъ съ нѣмецкаго, подъ ред. проф. Н. А. Розанова. 79 рисунковъ въ текстѣ. Цѣна 2 рубля.

Проф. Р. Ю. Випперъ. ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ ВЪ КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ (IX—IV) до Р. Х. Изд. 2-ое. Часть I.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Гуго Винклеръ, проф. Берлинскаго университета.

БАВИЛОНСКАЯ КУЛЬТУРА ВЪ ЕЯ ОТНОШЕНІИ КЪ КУЛЬТУРНОМУ РАЗВИТИЮ ЧЕЛОВѣЧЕСТВА.

Переводъ съ нѣмецкаго, подъ ред. Н. М. Никольскаго. Цѣна 2 рубля.

Л. Гернесъ, проф. Вѣнскаго университета.

КУЛЬТУРА ДОИСТОРИЧЕСКАГО ПРОШЛАГО.

Переводъ съ нѣмецкаго, подъ ред. В. Н. Дьякова.

Часть I. КАМЕННЫЙ ВѢКЪ. Съ 42 рисунками въ текстѣ.

Часть II. БРОНЗОВЫЙ ВѢКЪ. Съ 57 рисунками и синхронистической таблицей.

Часть III. ЖЕЛЕЗНЫЙ ВѢКЪ. Съ 35 рисунками.

I. Гунгеръ и Г. Ламеръ. КУЛЬТУРА ДРЕВНЯГО ВОСТОКА ВЪ КАРТИНАХЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго, подъ ред. М. С. Сергѣева. 199 рисунковъ на мѣловой бумагѣ и 68 страницъ объяснительнаго текста. Цѣна 5 р.

О. Вазеръ. ГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЪ ЕЯ ГЛАВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ пр.-доц. Б. Р. Виппера 38 иллюстрацій на мѣловой бумагѣ. 2-е изд. печатается.

Книгоиздательство „ФАРОСЪ“

МОСКВА, Чудовская улица, 15, кв. 6. ☐ Телеф. 4-45-30.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Проф. **Р. Ю. Випперъ**. ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ ВЪ КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ. Части II и III.

Проф. **Р. Ю. Випперъ**. РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

В. А. Пановъ. КІЕВСКІЙ ЛЬТОПИСЕЦЪ. Подъ ред. проф. Р. Ю. Виппера.

В. К. Никольскій. РУССКІЙ МЯТЕЖЪ XVII в. Подъ ред. проф. Р. Ю. Виппера.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

I. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ.

Подъ редакціей проф. Р. Ю. Виппера.

И. И. МОСОЛОВЪ. Публицистика въ античной Греціи.

Г. М. ПРИГОРОВСКІЙ. Бытовая комедія Афинъ.

П. О. ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ. Раннее христіанство въ Африкѣ.

С. А. ЛЯСКОВСКІЙ. Ирландская культура.

Г. В. СЕРГІЕВСКІЙ. Новая Англія въ Америкѣ.

П. И. МАЙГУРЪ. Фурье.

А. А. ФОРТУНАТОВЪ. Настроенія 1848 г.

И. И. МОСОЛОВЪ. Парижская коммуна 1871 г.

В. М. ЛАВРОВСКІЙ. Возрожденіе крестьянства въ XIX—XX вв.

II. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Подъ редакціей проф. В. Н. Бочкарева.

III. СЕРІЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ МОНОГРАФІЙ.

Подъ редакціей Б. Р. Виппера.

СЕРІЯ А.

ИСКУССТВО ВЪ МОСКВѢ

В. Н. ЛАЗАРЕВЪ. Античное искусство.

Б. Н. ЭДИНГЪ. Русская архитектура.

А. В. БАКУШИНСКІЙ. Русская живопись.

Б. Р. ВИППЕРЪ. Старые мастера.

Б. Н. ЭДИНГЪ. Русская иконопись.

Б. Р. ВИППЕРЪ. Восточное искусство.

4.-
Випперъ
in manuscript
(86) (87)